

Для широкого круга непосвященных Константин Мурзенко прочно ассоциируется с флегматичным Фашистом из «Брата-2», для других — с почетным званием «Лучший имитатор нового русского языка», для третьих — с фильмами «Мама, не горюй!» и «Тело будет предано земле, а старший мичман будет петь», сценарии к которым принадлежат его перу. А 15 февраля 2002 года на видео выходит и дебютная режиссерская работа несостоявшегося врача — кинокартина «Апрель». По опросу кинокритиков Москвы и Питера, это лучший режиссерский дебют 2001 года.

Придумываю всякую ерунду, чтобы денег заработать

— Насколько мне известно, вы собирались стать врачом?

— Собирался, но пациентов пожалел.

— Вы такой суровый доктор?

— Ну представьте себе: приходите вы к врачу, а там сидит вот такой (смеется), а с ним еще пара-тройка парамедиков.

— А сценарии писать как стали?

— Я талантливый самородок. Многие порекомендовали друзьям на самом деле, но не обо всех своих навыках хочется рассказывать — где и как ты их получил.

— «Талантливый самородок» — стало быть, вам все легко дается?

— Не совсем так. Вот 32 года, то есть 26, с тех пор, как научился читать, я комплексую по поводу того, что не могу выучить ни один иностранный язык. Сколько я их учил, сколько приложил сил к этому — страшно сказать. Английский — со всеми в школе, немецкий самостоятельно несколько раз, потом еще много раз думал, что надо бы французский выучить, но тоже не помогло.

— Кем же вы в итоге стали? В смысле — по образованию?

— Да никем. Мне кажется, что таким вещам, как литература, драматургия, кино, скорее учит жизнь, чем учебные заведения.

— Вы подсматриваете или придумываете?

— Я делаю то, за что платят. Ничего святого вообще.

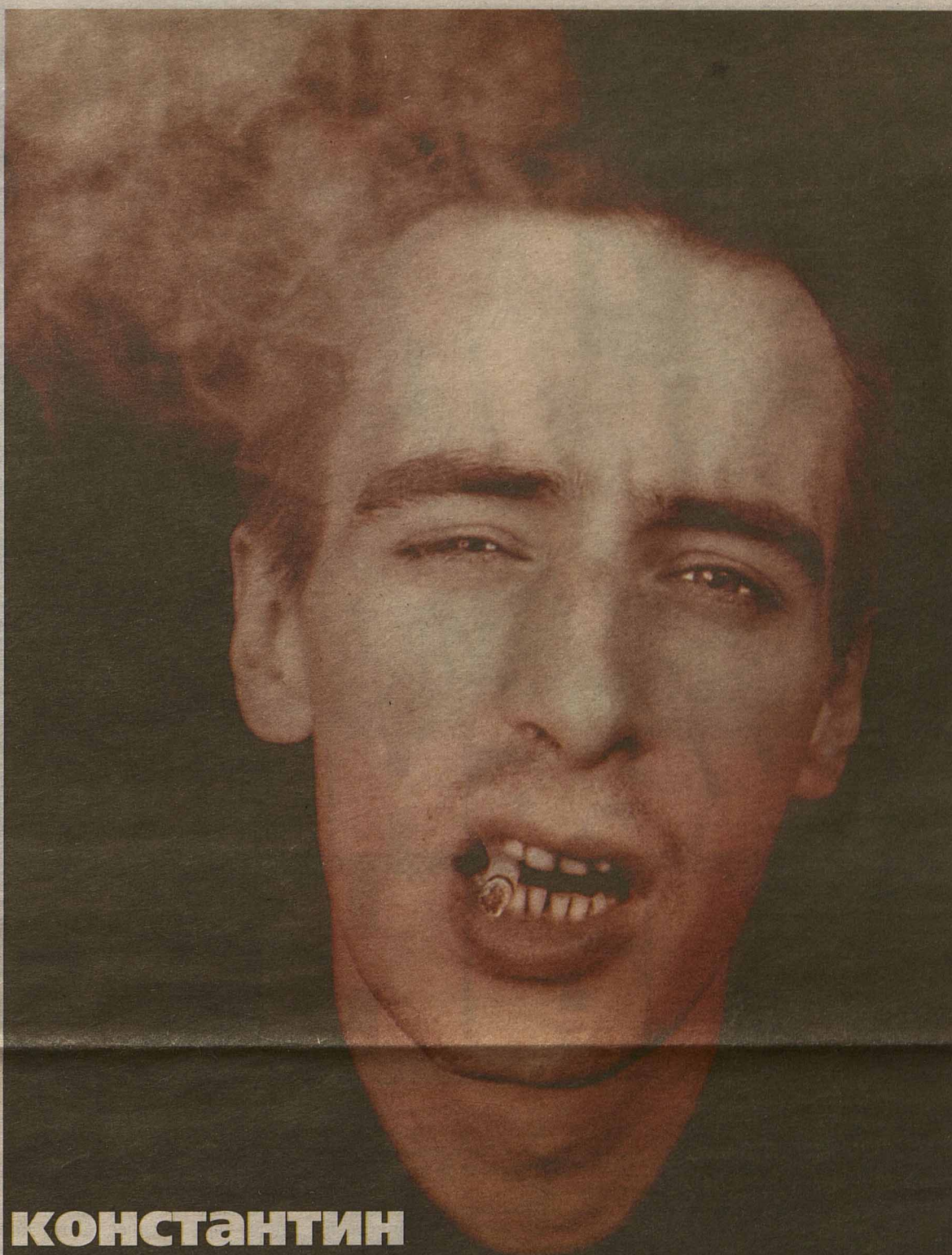
— Ваш первый сценарий поставлен? Или остался в архиве?

— Первым был как раз «Мама, не горюй!». А по поводу успешности... Мы встречали сегодня двух пацанов. Они говорят: как выпьем литр — начинаем смотреть. Им нравится, и не потому, что это мои друзья, — скорее наоборот, они поэтому со мной дружат.

— Сценарий «Мама, не горюй!» был номинирован на сетевой «Оскар» «Teneta-2000». Вы получили что-нибудь?

— Мне стыдно вам признаться, но я даже не знал, что был номинирован. За сценарий «Мама, не горюй!» несколько раз в острых ситуациях я чуть не получил по морде, и мне достаточно этой награды. В частности вдавливаться не буду, но когда люди выясняли, кто я такой, вместо того чтобы бить мне морду, пили со мной водку. Это хорошо. Ради этого стоит заниматься кинематографом.

— Ваша излюбленная тема — будни и разборки новорусских гангстеров. Это вам интересно или вы регулярно участвуете?

константин мурзенко:

мои сценарии — как песни цоя: просто и представляет

— Мне интересно, какими путями люди идут к просветлению. И абсолютно неважно, каковы эти люди, в какой среде и в каких обстоятельствах они находят его.

— Почему бы тогда не написать об успешной карьере некоего папенькиного сынка?

— Нет ничего проще. Найдите мне полмиллиона бюджета — я вам напишу про успешную карьеру. Я делаю то, что мне заказывают.

Совершенно естественно: мы все воруют

— В ваших картинах мелькают цитаты из Тарантино, Скорсезе, Джона Ву. Это сознательные

отсылки или просто следствие насмотренности?

— Конечно, заимствую. Вы знаете, что даже «Запорожец» горбатый украли у итальянцев? Я считаю, что в России нет ничего оригинального. И совершенно естественно, что мы все всё воруют. А Джон Ву особенно к месту, так как мое творчество с его творчеством пересекается на каждой ягодице.

— Если в России нет ничего оригинального, то чему нашим кинематографистам стоит поучиться у западных?

— Я думаю, что нашим учиться не нужно, потому что люди наши любят нас и так, за то, что мы есть. В сущности, профессия деятеля куль-

туры, с позволения сказать, — это не профессия, а некая жертва.

— Так я не поняла: вы жертвуете собой или деньги зарабатываете?

— Конечно, жертвую. Я зарабатываю, как умею. Если бы у меня, например, было две головы или сбоку висела недоразвитая сиамская сестра, я научил бы ее играть на гитаре и мы показывали бы себя в балаганах. Но поскольку этого нет, мне приходится придумывать всю эту ерунду и впаривать ее людям под видом художественных произведений.

— Вы оцениваете свои произведения как ерунду?

— Стыдно признаться, но

боюсь, что не я один. Нет, я знаю, что я почти как Тарантино, но можно же пококетничать.

— Вас называют культовым сценаристом современности. Вы себя таковым ощущаете?

— Я ощущаю себя культовым артистом — исполнителем роли Фашиста в кинокартине «Брат-2».

— Как вы попали в «Брата»?

— По блату.

— К вопросу о культовости: культовый писатель Пелевин любит фильмы по вашим сценариям — а вы к нему как?

— Он мне нравится. Мне рассказывали, что он столько денег заработал на своих книжках... В общем, стараюсь на него равняться.

— Почему вы делаете ставку не на действие, а на текст? Ваши братки говорят больше, чем стреляют...

— Тарантино научил. С творчеством Квентин Иваныча было связано такое понятие — «разговорное кино». Мы с Максом (Пежемский) послушали, что об этом говорят, и начали делать так же.

— Не забывайте, Тарантино зрителю быстро надоел.

— Серьезно? Да зрителю что угодно может надоест. Собственно, зрителя как такового нет. Есть какое-то количество тысяч людей, ходящих в кино. Я надеюсь, что их число доберется до миллиона и таким образом я чуть-чуть заработаю.

— Вам не хотелось устроить раскрутку, как у балабановских «Братьев»?

— Я ничего не задумывал. Мне заказали сделать фильм — как песни Цоя: чтобы вставляло, было просто и про героизм.

«Не опускаюсь до того, чтобы работать»

— «Апрель» — реальная история или выдуманный сюжет?

— Фильм основан на реальных событиях. Что касается сюжета... Я, стыдно сказать, с ходу отобьюсь программной цитатой, которая, как учение Маркса, всеисильна, потому что верна. Она принадлежит Альфреду Хичкоку, от которого никуда не денешься: хотя я его не очень люблю, значительность его, к сожалению, слишком безусловна. «Сюжет играет для фильма не большую роль, чем вкус яблок для натюрморта, на котором они изображены». Когда в фильме важен сюжет, значит, фильм заведомо обделен возможностями. Важны нюансы, изыски. Я ненавижу на самом деле американскую формулу, что хороший сюжет пишется на пачке сигарет: он ее любит, она его нет, у них есть собака, у собаки гонорей. Вот тебе и блокбастер! Я сценарии пишу как прозу. Нормальный сценарий, например

Фото КВ «Светосила»

«Брат-2», занимал 28 машинописных страниц буквами размером с рюмку из-под саке, а тот сценарий, что я пишу сейчас, занимает 124 страницы десяткой. Что там написано — я не понимаю.

— И все же, что там на 124 страницах?

— Я однажды ехал в поезде, и у меня соседом по купе был армянин. Он мне предложил сначала пива, потом водки. Я говорю: «Иди ты...» А он спрашивает: «Ты кем работаешь?» «А я не опускаюсь до того, чтобы работать», — говорю. И он меня зауважал и больше не мешал мне медитировать. Вот и вы не мешайте.

■ Ирма Каплан.